

84(2Рсс=Рус)6

Н 50

Тая Генцова

ДЕРЖИСЬ, ДУША!

367
Университетский сад -
на берегу реки

Адрес

Москва

30 апреля 1907 г.

и. Смирнов

84/2Рос=Рус/6-5
#150

Тая Немова

Держись, душа!

Стихи

Южно-Сахалинск

Сахалинское книжное издательство

централизованная 1999
библиотечная система

ЦЕНТРАЛЬНАЯ САХ
ЛИНКОМСКАЯ РАЙОН
БИБЛИОТЕКА

52 166 - 1

Таисия Владимировна Немова

Держись, душа!

Стихи

Рисунки автора

Автор и издательство искренне благодарят депутатов районного собрания Смирныховского района и областной штаб ЛДПР за материальную и моральную поддержку в издании этой книги.

Редактор Н. Тарасов.

Художественно-технический редактор Н. Шелепов.

Фото В. Заболотного.

Корректор В. Корнилова.

Сдано в набор 16.09.99. Подписано в печать 30.11.99.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Гарнитура «Байкал». Бумага «ксерокс».

Усл. печ. л. 4,88. Уч.-изд. л. 3,66.

Тираж 300 экз. Заказ 747.

Цена свободная.

Лицензия ЛР № 040684
от 24.05.94 г.

Сахалинское книжное издательство,
693007, г. Южно-Сахалинск,
ул. Комсомольская, 188.
Тел. 3-68-72

Содержание

В. Санги. Предисловие.....	2	В ночном поезде.....	41
КОЛЬЦО.....	3	В очереди.....	42
«Не смей закаты рисовать...».....	4	О счастье.....	43
✓ Моя фамилия.....	5	Новоселье.....	44
«Я на моторочке по морю плавала...».....	6	Поречье.....	45
Городок у моря.....	7	Пурга.....	46
Шиповник.....	8	Капель.....	47
«Кто пройдет по бревну...».....	9	«Когда в предвечерии синем...».....	48
О пользе отключения электроэнергии.....	10	На волне.....	49
Числа.....	11	ВОРОЖБА	50
Анива.....	12	Кто?.....	51
Гостья.....	13	Ночь.....	52
Земляку.....	14	Кукушка.....	53
Шаги за дверью.....	15	Утро.....	54
«Осень холодом дышит в груди...».....	16	Единственный, последний.....	55
Волк.....	17	Ворожба.....	56
«Что этой ночью во тьме творилось!...».....	18	«Сгинет радость, надежда уснет...».....	57
Сны.....	19	«Будет поздно или рано...».....	58
«В давних встречах — забвенья зола...».....	20	Заклинание.....	59
Илл. «Женщина с веткой и пером».....	21	«Как ты ночь коротаешь?...».....	60
Кольцо.....	22	КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ	61
Глагольное.....	23	Русские песни.....	62
«Я помню: ёлка загоралась...».....	24	Кентавр.....	63
«Февраль — форель...».....	25	Визит Снежной Королевы.....	64
Сосна.....	26	Разговор со светской дамой.....	65
Илл. «Сосна у моря».....	27	К картине Н. Рериха.....	66
Последний снег.....	28	«Мчались в тачанках за призрачным счастьем...».....	67
Лыжня.....	29	Памяти Высоцкого.....	68
✓ Буюклы.....	30	Илл. «Памяти В. Высоцкого».....	69
Краснопёрка.....	31	Эскиз в серых тонах.....	70
Польнь.....	32	Полонез Огинского.....	71
✓ Медведь.....	33	Илл. «Полонез Огинского».....	72
Пильво.....	34	Художник и модель.....	73
«Подметает дворник...».....	35	Муза.....	74
Октябрь.....	36	Печать.....	75
Илл. «Фигура в плаще под зонтом».....	37	«Кисть художника, ах кисть...».....	76
«Прощай, весна да молодость...».....	38	Автопортрет.....	77
Лиственница.....	39	Илл. «Костер поэзии».....	78
Девчонки.....	40	После концерта.....	79
		«Так зренье порой непонятно...».....	80
		«Слова, слова, слова...».....	81
		Держись, душа!.....	82

Этот берег, ныне трагический, был когда-то, быть может, самым красивым и благодатным. Море и горы, небо и долины, грозные тучи и нерестовые реки. Память людская сохранила об этом крае благоговение. И люди молились богам, чтобы эта благодать была бесконечной. Но конец наступил, потому что люди безрассудно отринули самое главное: благоговение перед силами природы, перед благодатью, перед богами. Здесь и родилась Тая Немова. Босая, голоногая, она проходила по кромке воды, где властвовали две стихии: стихия воды и мир суши. Она росла в согласии со всеми богами: богом моря, богом тверди, богом неба. И это согласие быстро отозвалось строками столь же естественными и красивыми, как сила и назначение Великих Стихий. Так она начиналась. Так она стала Поэтом. У неё сложился свой читатель — верный, надёжный, ожидающий. И ожидание своего читателя поэт постоянно оправдывает. Нежность, чистота помыслов, драматизм времени, трагедия эпохи — всё отражено в её безыскусных и в то же время изысканных строках. В настоящий сборник вошли произведения Таи Немовой, отражающие дух, боль, радость или счастье времени. Стихи глубокие по мысли, открытые, честные, мужественные и в то же время удивительно женственные. И в этом вся Тая Немова.

Владимир Санги

Кольцо

* * *

Не смей закаты рисовать,
не смей смотреть на звезды,
не смей вопросы задавать,
не смей гулять так поздно,
не смей брать в руки жаб и змей,
не смей твердить: сумею.
И тут не смей,

и там не смей...

А я смеюсь

и смею!

Моя фамилия

Прадед мой, тихо канувший в небыль,
был по-своему жизнью томим:
основал он фамилию — Немов,
потому что родился немым.

Красотою зари околдован,
он стоял, на движения скуп,
и мычало в нём первое слово
и ни разу не падало с губ.

Я несчастье его понимаю,
сколько раз на коротком веку
мне казалось: я тоже немая
и сказать ничего не могу.

Но, замучившись снова и снова
и шептать, и смотреть на зарю,
я промолвила первое слово,
удивляясь сама: говорю!

* * *

Я на моторочке
по морю плавала,
от счастья прыгала,
от страха плакала.
Ходила, глупая,
вдали от берега,
до нитки вымокла
в платишке беленьком.
Накаты чёрные
и море — горкою,
плевалась за борт я
водою горькою,
водою свежую
ещё раз вымылась
и только к вечеру
на берег выбралась.
А там дожди метут,
там листья кружатся,
на крыши черные
там небо рушится,
от страха злые псы
ушами прядают,
вороны головы
под крылья спрятали,
знакомый тополь мой
поник и вылинял,
и я одна смеюсь
под злыми ливнями.
Шагаю босая,
ветрам открытая.
Мне нипочём дожди:
я морем мытая!

Городок у моря

Мы забываем, что живём у моря,
хотя до моря — лишь рукой подать.
Нам за делами, радостью и горем
его громады как-то не видать.

О чём его прилив шумит упорно
среди вековых утёсов и камней,
каких в порыве творческого шторма
зверей нашлифовало из корней?

Его с ветрами буйственные споры,
его восходов светлые пути
неведомы для нас. Хотя до моря —
лишь пыльную дорогу перейти.

Шиповник

Стоит он, как виновник
безрадостной судьбы.
Эх, жизнь твоя — шиповник —
колючки да шипы!

Все ноги исцарапал,
всю душу истерзал.
Но как-то утром рано
бутоны завязал.

Так радуйся! И помни:
пора невзгод пройдёт,
и жизнь твоя, шиповник,
цветами расцветёт!

* * *

Кто пройдёт по бревну,
что лежит на земле?
Всяк ответит: ходил не однажды,
и пройти по бревну
хоть какую длину
может лихо и запросто каждый.
Кто пройдёт по бревну
над речушкой лесной?
Посложнее, конечно, задача,
но коль надо рискнуть,
то пройти этот путь
тоже можно, от страха не плача.
Кто пройдёт по бревну
над обрывом без дна?
Тишина. Я ответа не слышу.
Вот идёт человек.
Зол и шаток наш век.
Ну а брёвна всё выше и выше...

О пользе отключения электроэнергии

Если б счастье зимой не теряла —
не нашла бы надежды к весне,
если б я в самолётах летала,
то уже не летала б во сне.

А утратив, опять замечаю,
что взамен получу что хочу.
Сожалею: нам свет отключают,
но зато зажигаю свечу.

Ах, свеча! В старомодные дали
ты уносишь, легка и строга.
...Если б свет неожиданно дали —
не сложилась бы эта строка!

Числа

Одинокий синий вечер,
было — сплыло, тишина.
Ты же знаешь: время лечит —
так прошепчет мне весна.

Ах зачем на свист-приманку
вышла в стужу поутру,
спозаранку наизнанку
распахнулась на ветру?

Стынут плечи, гаснут свечи,
пустотой и тьмой грозя,
и шарахается встречный,
заглянув в мои глаза.

Календарь с утра листаю:
ни надежды, ни дорог.
Зачеркну число пустое
чёрной тушью поперёк.

Время лечит в самом деле,
будут в марте сны ясны.
Но до марта — три метели
и сто чисел — до весны.

Анива

Пьёшь вино и бархатное пиво,
бегаешь по тоненькому льду,
у залива с именем Анива
чаек ты сбиваешь на лету.

Пуля твоя — меткая на диво,
не минула белого крыла.
Но рекой по имени Анива
раненая чайка уплыла.

Сядешь после ужина лениво,
Бахрому на кресле теребя,
девочка по имени Анива
черноглазо глянет на тебя.

Ну а я? Живу, дышу июлем,
простирну — сушу на ветерке.
Всё нормально. Даже след от пули
вовсе не заметен на руке.

Гостья

Долго мой дом обегала ты мимо,
прочь уходила с пути.
Проклята Богом и людом гонима —
здравствуй, подруга, входи!

Ты и наглей, и уверенней стала,
взгляд твой и зелен, и зол.
Кресла тебе, извини, не поставлю, —
ставлю осиновый кол.

Празднуй победу, кривляйся и смейся,
знаю: ты не истукан,
только вина не налью, не надейся, —
вот тебе яду стакан.

Низкий поклон, что пришла без отчаянья,
я его пуще виню.
Легче общаться мне с грустью-печалью,
но и тебя не гоню.

Радость и горе ходят по кругу,
круто касаясь виска.
Дверь моя настезь. Здравствуй, подруга
с именем редким — тоска.

Земляку

Когда подступит к сердцу острое
предощущение беды,
земляк, ты вспомни: мы на острове,
среди бушующей воды.

Не избалованы мы негой,
суров наш пенистый прибой,
нам даже жаловаться некому,
ведь мы на острове с тобой.

Тебя бил тоже шторм неласковый
и ангел смерти целовал,
но нашей лодке перелатаной
ещё грозит девятый вал.

Пусть кто-то там живет по волчьему
закону хитрости и зла,
но мы на острове. Нам подличать
и предавать никак нельзя.

Когда ты скажешь: как непросто мне
в такой лихой, тяжёлый час, —
земляк, ты вспомни: мы на острове,
и всё зависит лишь от нас!

Шаги за дверью

Пустая комната — пустыня,
пусть даже помыслы чисты,
они, как чай забытый, стыннут,
кляня постылость пустоты.

Здесь всё мертво, всё не у места:
картина, книга, сапоги.

Вдруг

заскрипела дверь подъезда
и чьи-то близятся шаги,
за одиночество — награда
и обещание друзей,
шаги за дверью ближе, рядом,
и —

мимо комнаты моей.

А я поставила так много
заварки в чайнике блестящем
и стёрла надпись у порога:
оставь надежду всяк входящий.
Напрасно, значит, в праздник веря,
прибила вешалку к стене.
Но вдруг

опять

шаги за дверью!

Стучат!

И снова не ко мне.

* * *

Осень холодом дышит в груди,
листья с веток на землю бросаю.
Я тебя отпускаю. Иди.
Помолчи. Я тебя отпускаю.

Раскрываю ладонь, не тая,
нет загадки, причина простая:
хрупкой бабочкой ласка моя
улетает — прощай, отпускаю.

А меж пальцев дрожит на весу
ревность, словно медуза морская,
я брезгливо ладонью трясу —
брызги в стороны! Все, отпускаю.

Миг прощания — злая пора,
вьется рядом и больно кусает.
Я его, как в глазу комара
убиваю, и с тем отпускаю.

Я тебя отпускаю, и вновь
осень листьями выстелет пустошь,
только нежность свою и любовь
не стряхнёшь, не убьёшь, не отпустишь.

Знаю: встретимся. Все впереди.
Не грусти, не маячь у порога.
Я тебя отпускаю. Иди.
У тебя золотая дорога.

Волк

За дорогой пустынной и долгой,
где морозно синеют снега,
повстречала я серого волка —
дикой стаи лесной вожака.

Приглянулась я волчьему глазу,
привела зверя ночью домой,
по заливку теперь его глажу —
только искры трещат под рукой!

Вынимаю тарелки и ложки,
из печи достаю пироги
и пугаюсь, когда при кормёжке
лязгнут зубы у самой руки.

Привыкаю. Но подлинно знаю:
сколько волка и чем ни кормить —
он уйдёт в свою серую стаю,
чтоб с волками по-волчьему выть!

* * *

Что этой ночью во тьме творилось!
Учили совы птенцов летать,
в ночной избушке окно открылось,
звёзд народилось — не сосчитать!

С речным туманом весло сразилось,
и выгнул месяц дугою бровь,
сложилась песня, и всё случилось,
да вот не вышла у нас любовь.

Так тихо сердце ещё не билось,
гляжу спокойно в глаза твои.
Ну что же делать, раз не сложилось,
не получилось у нас любви?

Сны

Кто показывает сны,
тот совсем не скучен:
сон по морю проведёт
и летать научит.

Кто показывает сны,
вовсе не бездарен:
краски лета и весны
щедро сон подарит.

Кто показывает сны,
тот не так уж зол:
не пришёл ко мне ты в сад —
в сон ко мне пришёл!

Тая Немова

* * *

В давних встречах — забвенья зола,
в сладких яблоках — грешная спелость.
Но священна родная земля,
на которой любилось и пелось.

Муза

Кольцо

Ещё вчера лесная речка
вздыхала тихо подо льдом,
ещё вчера на вербе почка
зелёным вспыхнула листом,
ещё вчера кукушка-сводня
накуковала мне кольцо
и улетела. А сегодня
июль смеётся мне в лицо!
И от жары мелеет речка,
знакомый лист лежит в пруду,
а обручальное колечко
так закатилось — не найду.
Вот-вот зима своё вязанье
раскинет, инеем шурша,
застынут в точке замерзанья
и лист, и речка, и душа.
Но в белый снег устав рядиться,
я разгадаю эти сны:
всё умирает, чтоб родиться
для новой будущей весны.
И в сотый раз, как будто в первый,
я в речке руки остужу,
найду кольцо, поглажу вербу
и «здравствуй» солнышку скажу.

Глагольное

Уронишь — поднимешь,
упустишь — поймаешь,
оденешься — снимешь,
наладишь — сломаешь.

Разбитое клеишь,
пропавшее ищешь.
То пышешь, то тлеешь,
то внемлешь, то пишешь.

Не то говорил,
не так поступал?
Как сам заварил,
так сам расхлебал.

Судьбина твоя
от первого вздоха —
спираль бытия:
то ладно, то плохо.

И крутишься ты,
как можешь и хочешь,
в кольце суеты
с утра и до ночи.

А встанешь — опять
то сеешь, то пашешь.
Лишь яму копать —
уже дело не наше.

* * *

Я помню: ёлка загоралась,
являлся Дед Мороз с мешком,
сестра на танцы собиралась,
а сын под стол ходил пешком.

В окно стучала кисть рябины,
спала собака за углом,
а во дворе дрова рубили
соседи ржавым топором.

Прошли года. Собака сдохла,
сын в край далёкий улетел,
сестра в Крыму, живёт неплохо,
а Дед Мороз ушёл в метель.

И у меня теперь в итоге —
одна рябина под окном,
да по соседству у дороги —
тень человека с топором.

* * *

Февраль —
форель,
сорвавшаяся с лески:
ни всплеска,
ни улыбки,
ни ухи.

Но завтра я
надену сапоги
и в март войду —
искать слова
для песни.

Сосна

И мир приветствует весну,
и велико у сосен
корней — стремленье в глубину,
ветвей — стремленье к солнцу.

Сосне во сне возьми приснись:
ах как она парила,
когда корней стремленье вниз
полёт не стопорило,

вдыхала радостно когда
свободы пьяный запах,
когда колючая звезда
похрустывала в лапах!

Но сны сосны с зарей ушли,
корням благодаренье:
не отрываться от земли,
а вглубь вершить стремленье

и оставаться в летний зной
и под февральским снегом
сосной — натянутой струной
между землёй и небом!

Сосна

Последний снег

Ах, как дышалось в феврале!
Две кружки взяв и термос с чаем,
мы отправлялись в зимний лес,
лыжню, как строчку, начиная.

Мы плыли к сопкам-островам,
мы на трамплинах лоб студили,
и наши главные слова
на белых тропках находили.

А дома, на язык лихи,
мы всё ж хранили их для леса,
и сосны слушали стихи,
сурово с лап сугробы свесив.

...Сейчас июнь. Ты стал другим.
Глядишь темно и незнакомо.
Забыв, что было дорогим,
ты говоришь: «Останься дома».

А я опять тебе на смех,
среди душных стен не успокоюсь,
ищу в лесу последний снег —
свой ранний стих, твой нежный голос.

Лыжня

Устать от тишины под крышей,
от напряжённости лица,
растормошить тугие лыжи,
сойти с высокого крыльца,
и сердцем бить благодаренье
весне и солнцу, и между
великовозрастных деревьев
крутить горячую лыжню
и лесу оставлять на память,
не замечать, как он суров,
лететь вперед с горы и падать
лицом в сверкающий сугроб!
Потом неспешно подниматься,
встречать приветствие весны
и, отряхнувшись, снова мчаться
до той, последней, крутизны!

✓
Буюклы

Зимы с медленными вьюгами
и стогами на лугах...
В Буюклах меня баюкали
ветры, звёзды и снега.

Лето дождичек здесь празднует —
ни проехать ни пройти,
а зимою снегом ласковым
заметаёт все пути.

Широко снега расстелены
по дорогам и лугам,
как легко меня метелями
убаюкать Буюклом.

Убаюкать-убаюкаться,
не зови и не мани,
и в сугробах не аукнутся
песни звонкие мои.

Занавешенные вьюгами,
сопки высятся вдали.
Буюклы меня баюкали —
убаюкать не смогли.

Красноперка

Мы на рыбалку собирались,
нам ветер с речки дул в лицо,
и червяки бесшумно дрались
в коробках из-под леденцов.

Несли в руках мы по ведёрку,
и нас легко тропа вела
через поля за краснопёркой,
что в речке Каменке жила.

Ах, золотая чудо-рыбка!
Рванёт крючок, и через пласт
воды, сквозь удочку и руку,
до сердца трепет передаст!

А детство прыгнуло с пригорка,
умчалось к речке, хохоча.
Живёт там рыбка краснопёрка.
Да как поймать её сейчас?

Полынь

Под другими окнами,
возделанные с фокусами,
рдели астры огненно,
георгины с флоксами
и пионы с розами
кланялись едва.

А под моими окнами
росла полынь-трава.
Дикая, атаманная,
несеянная стынь,
под ветром и туманом
раскинулась полынь!
Её цветы неярки,
её листы седы.

Подачками, подарками
да ласками судьбы
удел мой не испорчен,
он радостен и прост:
после полынной горечи
нежнее запах роз.

Медведь

А когда в речке рыба плеснула
и погасла зари полоса,
я нечаянно молча взглянула
в его черные злые глаза.

Разойтись — ни малейшей надежды.
Я бежала к родному крыльцу
так, что сучья срывали одежду
и хлестали кусты по лицу.

И теперь, когда мало народа
и ночами не видно ни зги,
по траве моего огорода
бурый зверь нарезает круги.

Он с верёвки украл моё платье,
он приходит теперь даже днём,
и от страшных медвежьих объятий
я уже ускользаю с трудом.

Из-за дерева в чёрных накрапах
он мне в спину хрипит горячо,
а вчера волосатую лапу
тяжело положил на плечо.

Я не знаю, что будет со мною.
Паутинкой надежда блеснет:
скоро лето пройдёт, и зимою
мой медведь под корягой уснёт.

Пильво

До Пильво далеко, зато
шофёр весёлый.
Здесь неглубок речной затон
и мал посёлок.

Мы ели кашу у костра
и пиво пили,
и принимали «на ура»
грибы и Пильво.

Оттуда привезли с собой
морскую песню,
весёлый пенистый прибой
и свет небесный.

Заглянешь в душу — в глубине
чуть затаенно
мерцает память о волне
темно-зелёной,

о том, что облака вдали,
как вечность, плыли,
что тайны моря и земли
сошлись на Пильво.

* * *

Подметает дворник
наш дворик.
Чисто подметает,
будто знает:
песня спета,
позади где-то,
и травой не вырасти
новым вымыслам.
Подметает дворник
наш дворик.
Как хвосты лисьи,
вверх — листья.
И не песня спета,
просто лето
отошло тихо,
отцвело, оттикало...

Октябрь

Осень самая длинная,
серый сон наяву.
Под раскосыми ливнями
сосны к морю плывут.
Лету — светлому, доброму —
чей-то крик: — Подожди!
Листья падают в обморок,
замолкают дожди.

Август метит грустно

* * *

Прощай, весна да молодость,
два лёгкие крыла!
Кукушка хриплым голосом
кукует: отцвела,
завяла та малинка —
зелёный лепесток,
потеряна косынка —
багряный лоскуток.
Прощай, беспечность легкая,
помехой ты была.
Туманная, далёкая
звезда уже взошла.
В её неярком свете
манящий привкус есть:
неторопливый вечер,
несуетливый жест.
И ты, набравшись смелости
из юности своей,
протянешь руку зрелости
и «здравствуй» скажешь ей.

Лиственница

Даже днём злые льдинки не тают,
даже днём не хватает тепла.
Здравствуй, лиственница золотая!
Ты недавно зелёной была.

Ты недавно шумела под ветром,
залетающим в сумрачный храм,
где просторно твоим было веткам
и просторно залётным ветрам.

А у лета — короткие сроки,
а у ветра — семь пятниц и зим.
Снова осень дыханьем жестоким
прикоснулась к иголкам твоим,

снова сжалась под резким напором,
видишь: после ночной маеты
умирает трава по угорам,
пропадают навеки цветы.

Но под жалобный лепет берёзы
ты опять встретишь зиму без слёз:
опалённую сотней морозов
не сломает сто первый мороз!

Девчонки

Девочки-девчонки,
солнечные челки,
талии точеные
и ресницы черные.

Девочки-насмешницы,
молодые грешницы,
жизнью обожженные,
станете вы женами,
матерями станете —
толстыми, без талии,
без девичьей стройности,
без обычной строгости.

Возле вас цветы цветут,
возле вас сыны растут
и, как счастья вестницы,
дочери невестятся.

А у дочек — челки
и ресницы черные,
песенка предмайская
и улыбка мамкина.

В ночном поезде

Ветер с моря, напрасный и праздный,
провожает на юг поезда
в темноте. И по имени Астра
догорает ночная звезда.

Догорает, колдует, пророчит,
между сосен бежит под уклон,
полусном-полуявью морочит
полуночный притихший вагон.

Нас не надо друг с другом знакомить,
мы знакомы, как два близнеца,
потому так легко мне запомнить
каждый росчерк чужого лица,

а тебе за делами своими —
сохранить и весенний салют,
и моё неизвестное имя,
и несбывшийся поцелуй.

Чью-то нежность с собою носили,
пустоту, маету, суету.

Нашей встрече короткой спасибо
за возможность придумать мечту.

За окошком предутренний холод,
свет улыбки твоей и звезды.

В душном поезде вянут и стонут
сон-травы голубые цветы.

Впереди

— Кто последний за мукой? —
А в ответ ни звука.
Впереди меня с клюкой
ветхая старуха.

Узловатая рука
слабо держит сдачу,
полбутылки молока
и махорки пачку.

— Встань поближе, — говорит, —
я ж твоя судьбина. —
Мудрый глаз её горит
горечью рябины.

— Кто последний? — и за мной
занимает место,
вся, как лучик озорной,
девушка-невеста.

Улыбается, добра:
— Видно, не узнали?
Вы ж меня еще вчера
в зеркало видали. —

Растревожена до пят:
в этом магазине
две судьбы мои стоят,
я — посередине.

О счастье

Звали все несчастливой
с молодых юных лет,
я бродила под ливнем
наказаний и бед,
жизнь видала воочию
не с фасада — с торца,
хоронила по очереди
мужа, сына, отца.
Пел мне песни прощально
ангел белый как мел,
взять с собой обещал он,
только Бог не велел.
Оглянувшись на прошлое
из потерь и обид,
позабыта, заброшена,
вновь училась любить
ленту радуги тонкой,
пыль тропинки лесной,
смех чужого ребёнка,
слёзы бабки чужой.
Мне теперь и под ливнем
каждый встречный — родня.
«Есть же люди счастливые!» —
говорят про меня.

Новоселье

Я провожу ночные сны
и, хлопоча с утра,
раскрашу двери в цвет весны,
покоя и добра.

Я не забуду написать,
чтоб знали все друзья,
что здесь квартира номер пять
и проживаю я.

Весёлый день. Свободный вход.
Я не коплю потерь.
Благословенным будет тот,
кто стукнет в эту дверь.

Поречье

За сопками, за речкой, —
ах, сколько лет прошло! —
лежит моё Поречье —
завидное село.

Берёзовые ветки
и крыши вдалеке —
как новые монетки
у сопок в кулаке.

Шиповник — он кололся,
но подарил цветы.
Тропиночка к колодцу
и чистота воды,

и чистота заката
за белизной моста,
и вечная загадка
рождения листа.

Пустое — приобщаться
к далёким и чужим.
Простое наше счастье —
прийти туда, где жил.

И проступают резче
начала всех начал.
Село моё, Поречье —
и радость, и печаль!

Турга

На дворе темно,
спит в печи огонь.
Под моим окном
бродит белый конь.

Или это сон
тишине назло?
Я боюсь, что он
разобьёт стекло.

Мне одной нельзя
быть четвёртый день.
Я хочу к друзьям,
а он держит дверь.

Не ужиться с ним,
не найти покой.
Через белый снег
пляшет белый конь.

А наутро — смолк,
улетел во тьму.
Белой гривы клок
на моём дому.

Капель

Снега, да небо с тучами,
да мертвые стволы.
Земле, зимой измученной,
Сугробы тяжелы.

Но вдруг — капли песня,
и пропадает мгла.
Идёт февраль — предвестник
апрельского тепла.

Сугробы солнцем срублены,
и через белый снег
ворона чёрным рупором
вещает о весне!

* * *

Когда в предвечерии синем
шиповничьи плыли сады,
упало знакомство росинкой
на тонкую ветку судьбы.

И я так легко и свободно,
как будто крыло на спине,
несла твою чистую воду
и все отражённое в ней:

шиповник под сеткою пыли,
тепло уходящего дня.
Там люди различные были,
там был уголок для меня.

Но мне не постигнуть закона
твоей чистоты и тепла.
Прощания, встречи, знакомства...
Да нет за спиною крыла.

✓ На волне

Запрокинув лицо,
вижу солнца кольцо
сквозь неплотно прикрытые веки.
Я плыву на спине,
и несёт на волне
меня море в проливы и реки.

А быть может, в ручьи,
а быть может, в нищи,
без названия, дикие русла,
где медведь в этот день
ловит рыбу таймень
и ломает хребет его с хрустом.

Где-то пули свистят,
пароходы гудят
и надменные рушатся башни —
суета не по мне,
и пока на волне,
всё легко и нисколько не страшно.

Знаю: миг — и плеснёт,
и на берег швырнёт,
в мир зверья или в дождь, под машины.
Но в слепящей весне
я пока на волне —
на крутой, искромётной вершине!

Ворожба

Кто?

Стук. Распахиваю дверь
и гадаю праздно:
кто там — коршун прилетел
или сокол ясный?

Перешел через порог,
за плечами темень.
Кто ты — дьявол или Бог,
ангел или демон?

Что с собою ты принёс
из весны в тумане —
три бутона белых роз
или нож в кармане?

Кто ты — тяжкая гроза
или лучик в мае?
Я стою. Смотрю в глаза.
И пока не знаю.

Ночь

Какая ночь! Какая
горячая весна!
Свой полог опуская,
дрожала тишина.

И зрели в этой ночи
и глубь, и высота,
и не глаза — а очи,
не губы — а уста.

Кукушка

Мой дом — лицом к лесной опушке,
подвижны тени на стене.
Ко мне повадилась кукушка,
ведь не к соседке, а ко мне.

В дом не заманишь ни в какую.
На тонкой ветке бузины
она восторженно кукует
о бесконечности весны.

Мечта, невеста, хохотушка,
легко летая над землёй,
моя душа поёт — кукушка
в рассветный час, перед зарей!

Утро

А вот и дождь прошел
торжественно и мудро.
Все будет хорошо,
и в этом чудо утра.

И кончится покой,
и музыка в полете
сорвется на такой
невыносимой ноте.

Затеплится строка.
По замкнутому кругу
потянется рука —
погладить вашу руку.

*Единственный,
последний*

Я сотни рук брала своей рукой,
я в сотни глаз рассеянно смотрела,
и сотни солнц встречала за рекой,
и в ста кострах невидимо горела.

И сотый дождь над головой витал,
и сотни раз уснула и проснулась.
Что сотни те — никчемный капитал —
я поняла, когда тебя коснулась.

И в первый раз в твоей моя рука,
и в первый раз смеется дождик летний,
и в первый раз так трепетна река,
все в первый раз, — единственный, последний.

Ворожба

Заходи, молодой-хороший,
ты ко времени, ночь уже.
Ворожея тебе наворожит,
что в своей ворошишь душе.

Черный знак — он и так понятен,
глаз от тени не отводи.
Видишь, в путаной пляске пятен
нет пути тебе, нет пути.

Свой ты в доску и с долей лоска,
но презрел одинокий плач,
и за этой слезой из воска
нет удач тебе, нет удач.

На столе порошком толченым
набросала судьбу пыльца:
лицемерной личине черной
не найти своего лица.

Эти карты на сдачу строги,
крести-пики сдают — лови
и смотри: на любой дороге
нет любви тебе, нет любви.

Что молчишь, молодой-хороший?
Что невесело так глядишь?
Ворожея лишь то ворожит,
что в душе своей ворошишь.

* * *

Сгинет радость, надежда уснет,
но в проломе клубящихся туч
вдруг заметишь, как солнце блеснет
и незримый затеплится луч.

Он протянется — соединить
две души на воздушных правах.
Как тонка серебристая нить,
как легко натянуть, оборвать!

Разучились читать между строк,
разучились смотреть глубоко.
Это нежности легкий росток,
не убить бы его каблуком.

Стой, прислушайся. В хрупкой тиши
дальней музыки трепет и дрожь
дай не спутать с гуденьем машин,
перепутаешь — песню спугнешь.

Дай опять прислониться к плечу,
разгадать наши ночи и дни.
Мы с тобой прикоснулись к лучу —
не убей, не порви, не спугни.

* * *

Будет поздно или рано,
только вдруг заметишь ты
чей-то пристальный и странный
взгляд в окно из темноты.

Отодвинешь тихо шторы
и погасишь в доме свет,
сквозь окно взглядишься в город:
никого как будто нет.

Никого. Покой вселяют
темнота и тишина,
только звезд глаза сияют
и прищурилась луна.

Никого. Блестит и светит
льдами-линзами река,
жмурит окна дом соседний
из-под крыши-козырька

да во тьме таращит очи
на большие деревья
белый символ черной ночи —
заполярная сова.

И, поймав глаза чужие,
вздогнешь ты еще не раз.
Взгляд, уму непостижимый,
вездесущ и многоглаз.

Кто ты? Где твоя дорога?
И с каких иных вершин
смотришь ты всегда так строго
в тайники моей души?

Заклинание

Чем тебя приворожить,
как унять беду мою,
чтоб не смог на свете жить,
обо мне не думая?

Заслонить бы все собой,
стать твоим виденьем,
чтоб всегда была с тобой
светлым наважденьем,

чтоб тебе не скинуть с плеч
этот образ зыбкий,
чтоб тебе ни встать ни лечь
без моей улыбки,

чтоб тебе ни есть ни пить
без родного имени.

Чем тебя приворожить —
накрепко, как ты меня?

* * *

Как ты ночь коротаешь?
Расскажи, научи.
Мне опять не хватает
три полена в печи
и придуманной сказки
про чужого коня.
Скоро время погасит
танец рук у огня.

Мы расстались непросто,
но ты знаешь одно:
на темнеющем острове
есть живое окно.

Одиночество сердца —
самый тяжкий недуг,
и однажды погреться
ты надумаешь вдруг.

Не надейся на чудо,
я все та, что была:
летом снега хочу я,
а зимою — тепла...

Картинки
с выставки

Русские песни

Снова стало от музыки тесно,
в уши бьется веселый разлив.
Ой не пойте нам русские песни
на лихой зарубежный мотив!

Тот мотив без следа затерялся,
улетел за границей кружить.
Но мелодию старого вальса
нам с тобою вовек не забыть.

И когда ощущаем тревогу,
и когда нас ломают шторма, —
снова жадно глядим на дорогу,
проклиная тебя, Колыма!

Сахалинский бродяга приснится,
убегающий узкой тропой,
где летят перелетные птицы
над родимой до боли землей.

Снова стало от музыки тесно,
в уши бьется веселый разлив.
Ой не пойте нам русские песни
на лихой зарубежный мотив!

Лучше вальс будем слушать мы старый,
и как с другом ямщик говорит,
как поет семиструнно гитара,
а лучина горит и горит...

Кентавр

Ты фантазия или судьба?
Ты причудливо слить захотела
благородство высокого лба
со звериною хищностью тела.

Может, видела: в вихре потерь,
раздражения, зла или скорби
роет землю копытами зверь,
потерявший обличье людское?

А быть может, в глубоких лесах
иль в степях невзначай замечала,
как звериные смотрят глаза
с человеческой разумной печалью?

Нет ответа. Кентавр стоит
на картине далекого века,
и над хищным размахом копыт
светит доблестный лик человека.

Светит, признан природой и жизнью,
и да будет светить далеко
его разум — отныне и присно
и во веки веков.

Визит Снежной Королевы

Не мирилась, не прощала,
и тогда на склоне дня
злая фея навещала
разлюбившую меня.

То ли правда, то ли снилось,
то ли тени на стене.
Сыпал иней на ресницы,
таял шепот в тишине:

— Ты не бойся, заморожу,
спать на льдину уложу,
бессердечия порошей
и тебя запорошу... —

Я послала ей проклятье,
и растаял злобный дух.
С той поры могу узнать я
снежной феи верных слуг.

Они ходят между нами,
пряжу будней теребя,
с кем-то споря, что-то зная
и нечаянно себя

выдавая не нарядом —
сердцем злее зимних стуж,
замороженностью взгляда,
запорошенностью душ.

Разговор со светской дамой

В галерее старинных картин
я опять возвращаюсь упрямо
в зал, где кутается в палантин
эта великосветская дама.

Как умеет накидку носить!
Перед жестом изящным немею.
А умеешь ты соболя сбить
из ружья прямо в глаз? Я умею.

В кольцах блещет бесценная стынь
и на шее — алмазная залежь.
А ты знаешь, чем пахнет полынь
на рассвете у речки? Не знаешь.

Твои очи в беспечной игре
не теряли надменность и веру.
Ну а в нашем вечернем дворе
сохранила б ты эту манеру?

Дама в раме, меха теребя,
отвечает на это со смехом:
«Как я счастлива видеть тебя,
мой двойник из двадцатого века!»

* * *

Мчались в тачанках за призрачным счастьем
так, что слепило глаза.
Нам бы сейчас отдохнуть, отдышаться,
да подвели тормоза.

Носим с чужого плеча одеяния,
хлещем чужое вино.
Нам бы раскаяться в черных деяниях —
взорваны храмы давно.

Жили по лжи в этом мире бушующем
с молотом красным в душе.
Нам бы подумать о прошлом и будущем —
только вот нечем уже.

Ждем дармовые конфеты и пряники,
чтим болтологии зуд.
Тучи небесные, вечные странники,
вновь на Россию ползут.

Памяти Высоцкого

Проходи, коль зашел,
и гости, не снимая одежды,
не снимая сапог, —
в доме холодно, грязь на полу.
Здесь любовь не живет,
улетели отсюда надежды,
и от веры остался
последний огарок в углу.

Вот гитара, ты спой,
но пойми: нам сейчас не до песен.
Коль душа не поет —
это, знаешь, совсем не пустяк.
Мы не врали друг другу,
чужих не читали мы писем,
но упали с коней
и подняться не можем никак.

Словно грязный стакан,
мутен сумрачный мир законный,
где бесчестье и ложь
все уверенней, злей и лютей.
Мы не сплетники, нет.
Но жестокие волчьи законы
в этом мире гуманнее
хитрых законов людей.

Громче пой и играй!
Ты сегодня нужнее, чем прежде,
и под песню твою,
что звучала в воде и в огне,
мы зажжем в темноте
наш огарок последней надежды
и наполним стаканы,
и вычистим стекла в окне!

Памяти В. Высоцкого

Эскиз в серых тонах

Серое небо и серая стужа,
ветер — небритый и злой хулиган —
бьет по щекам, забирается в душу,
шапку срывает и лезет в карман.

Серая очередь малоимущих,
мало умеющих, мало поющих,
любящих водку и желтое сало,
только вот ближнего любящих мало.

Серая псина в развалинах свалки
рыщет в мечтах о съедобном куске.
Битые стекла... Консервные банки...
Вдруг неожиданно в серой тоске
вспыхнет приметой к хорошей погоде
красный огрызок календаря.
День-то прекрасен! Зима на исходе.
Дивные тени. Конец февраля.

Полонез Огинского

Детских вымыслов излишки
и фантазии беда!
Эту музыку услышав,
я представила тогда,
как с бубенчиком под шаткой,
под серебряной дугой
пляшет белая лошадка
и мотает головой.
Знаменитого «Прощанья»
усложненные черты,
наши души вы смущали
по законам красоты,
где на музыку положен
целый мир, и перед ней,
как пред миром, — все тревожней,
все сложнее и больней.
И в поэзию без слова,
и в последнее «прости»
мы вникали, чтобы снова
что-то новое найти,
но понять вдруг беспощадно:
как все просто под луной!
Пляшет белая лошадка
и мотает головой.

Полонез Огинского

Художник и модель

Фотомодель дремала в кресле,
фотохудожник мям трояк.
Он бы давно напился, если б
денег хватило на коньяк.
Он бы такой поставил закусь!
Но, пробурчав: «Раз нет, так нет», —
ищет с похмелья нужный ракурс,
ловит на линзу нежный свет.
Фотоаппарат на спинке стула
слышит привычный разговор:
— Вот же змея, опять уснула.
— Да сам ты змей, алкаш и вор.
... Зритель у снимка рот разинет
и оторвать не сможет глаз.
— Фотомодель у вас — богиня,
фотохудожник — высший класс!

Муза

Моя лирическая муза
не терпит тихого союза.
Она появится во мраке,
сломав оконный переплет,
войдет, держа зажжённый факел,
возьмет за ворот и встряхнет:
«Вставай давай! Берись за дело!» —
я хнычу на её плече:
— Моя рубашка ближе к телу,
и хата с краю, и вообще,
ко всем лирические музы
приходят в лютиках, без зла,
успех дают, поесть от пуза.
А ты? Что ты мне принесла?
Бессонниц вкрадчивые трюки?
Играть словами детский дар?
Твой карандаш сломал мне руки,
а дар подставил под удар.
Уйди, оставь меня в покое,
ты над душой всю жизнь стоишь,
я не могу терпеть такое:
и бьешь, и плакать не велишь!
Моя лирическая муза
следит за строчкой, веки сузив:
«Вот здесь поставишь многоточье...
Пока поспи, забудь беду.
Учти, я скоро черной ночью
опять к тебе с огнем приду!»

Печать

Болтун, веселый пьяница,
а я — степенный сказ,
медлительная странница.
Что общего у нас?!

Но мы с тобой повязаны,
но мы с тобой повенчаны,
одним елеем мазаны,
одним перстом отмечены.

Тебе всевышним росчерком
не велено молчать,
мне тоже напорочена
особая печать.

По-разному шагаем мы
с поклажами неравными,
одним костром сжигаемы,
одной стрелой отравлены.

То вознесет дорога,
то бросит под откос.
Кому дано от Бога —
с того жестокий спрос.

Мы топчем тропы разные,
мы врозь который год,
но так с тобой повязаны —
ничто не разорвет!

* * *

Кисть художника, ах кисть
этого художника!

Ты попробуй наклонись
над штрихами дождика,
ты попробуй передай,
как идут над кручей,
будто тучные стада,
облака да тучи!

Кисть художника, ах кисть
этого художника!

На холсте лицом прижмись
к листьям подорожника,
от сюжета отвернись
ложного и сложного
кисть художника, ах кисть
этого художника!

Автопортрет

Не лира, не крылатый конь,
не девица с косой,
поэзия — всегда огонь,
а ты идешь босой.

И твой рассвет, и твой закат
сплавляются в стихи,
и синим пламенем горят
твои черновики,

а в них — обломки от весла
и старая трава...

Но догорел костер дотла
и теплится едва.

Ломаешь карандаш в горсти,
влачишь пустые дни,
моля поэзию: прости,
спаси и сохрани,

помилуй светлые лучи
и грешную — меня
до новой искорки в ночи,
до нового огня!

Костер поэзии

После концерта

Подождите, концертмейстер, не спешите,
задержите ваши руки над роялем.

Мы, наверно, что-то поняли о жизни,
когда пальцы вы на клавиши роняли.

Были мы тогда чуть искренней и проще,
позабыли планы зависти и мести.

Что-то главное уходит, мы вас просим:
подождите, не спешите, концертмейстер.

Было тихо, но сегодня сердце ахнуло,
полетело вслед за музыкой отважно.
Подождите, нам знакомый голос Баха
не успел сказать о чем-то самом важном.

Концертмейстер, не спешите, мы отыщем
ноту света среди мелочных баталий!
...Он ушел. Рояль вздохнул под крышкой.
Скрылась музыка и замерли педали...

* * *

Так зренье порой непонятно:
стена остается стеной,
и теней волшебные пятна
живут, не замечены мной.

В деревьях я вижу деревья,
а в солнце — лишь солнечный круг.
Но это незрячее зренье
капризно меняется вдруг.

Увидеть могу и подслушать
девчоночий голос реки,
и скрипку — в разрезанной груше,
и чайку — в изломе руки.

* * *

Слова, слова, слова...
И все уже не ново.
Не вечна лишь молва,
но вечно слово.

На это — карантин,
тому — грозит облава,
и корень не один
у слов «слова» и «слава».

Лихой удел — понять
закон их тайной доли,
подбрасывать и мять,
как мячики в ладони,
оттачивать на бой
и шлифовать почище,
носить всегда с собой,
как нож за голенищем.

Дурного не твори —
со мной святая сила.
Спасибо говори,
что словом не убила.

Держись, душа!

Время денег да вещей,
да обманных трюков.
Тесно песенной душе
в хоре злобных криков.

Участь сирая сия —
радоваться крохам.
Не боли, душа моя,
все не так уж плохо.

Даже если предал друг —
мстью не спасешься.
Это тоже ведь к добру:
впредь не ошибешься.

Ты прости его, душа,
и легко, и просто,
и отвалится, шурша,
всех обид короста.

Ты держись, моя душа,
в зыбком бездорожье
не на милости хлыща,
а на воле Божьей.

В пестром мире бытия,
нищенски одетом,
возликуй, душа моя,
что в ладу со светом!

502

1975

*Зетиякам - сахалинцам
с пожеланием света в душе!*

Минин